НА СТЫКЕ ВРЕМЕН

Польский коник

Польский коник – аборигенная порода, но он давно уже воспринимается как нечто гораздо большее. Коник непременно упоминается, когда речь заходит о связи между дикими и домашними лошадьми Европы, о проблемах происхождения и одомашнивания современных лошадей. Он фигурирует во множестве научных исследований на эту тему. Ведь первое, что всем приходит на память при разговоре о польском конике, – то, что эта порода традиционно считается генетически наиболее близкой к тарпану. Насколько правомерна эта популярная теория и насколько близко это родство, вопрос непростой, но в любом случае коник – чрезвычайно интересная порода лошадей, достойная самого пристального внимания.

Патрыция Войцеховска
Фото автора

Родиной коника часто называют район города Билгорая, что на юго-востоке Польши, где-то в сотне километров от границы с Украиной. Рядом с Билгораем находится большой лесной массив, и где-то здесь располагался тарпаний зверинец графов Замойских. Но прежде чем перейти непосредственно к польскому конику, обратимся к поздней истории тарпана, его знаменитого близкого родственника.

Территория восточной Польши, отчасти Белоруссии, Украины и южной России, судя по дошедшим до нас описаниям и историческим документам, еще какие-то двести-триста лет назад была местом распространения диких лошадей. Имя им было тарпаны, как, по-видимому, в тюркских языках обозначали лошадей, пасущихся на воле. Тарпан считается вымершим подвидом дикой лошади; когда-то его ареал распространялся не только на всю Европу, но и захватывал Западную Сибирь и Западный Казахстан. Тарпаны существовали степные и более мелкие лесные; все они отличались мышастой мастью, стоячей, как у лошади Пржевальского, гривой, довольно тяжелой горбоносой головой, более крупной, чем у той же лошади Пржевальского.

Тарпаны по мере роста населения, распашки полей и освоения целинных угодий все больше становились конкурентами людей и домашнего коневодства. Сохранились исторические документы, содержащие описания тарпаньих «грехов»: в голодные зимы дикие лошади поедали заготовленное для скота сено, дикие жеребцы часто отбивали кобыл от домашних табунов, и бывало даже, что они нападали на обозы и освобождали кобыл, срывая с них упряжь. Помеси этих диких лошадей с домашними сами отличались сложным характером, с трудом адаптировались к работе, но обладали выдающейся силой и выносливостью; впрочем, в большинстве случаев крестьяне считали этих полутарпанов в хозяйстве бесполезными. Популярна была охота на диких лошадей: иногда ради мяса, считавшегося деликатесом, но чаще, скорее всего, просто ради забавы. Тарпанов местное население всячески старалось вытеснять, сгонять и истреблять, в чем наконец и преуспело.

Итог этого противостояния диких коней и человека был плачевным: тарпаны исчезли практически по всей Западной Европе и почти по всей Восточной. В Пруссии последний тарпан был убит в 1814 году. Дольше всего дикие лошади держались в Причерноморье, но и там полностью вымерли в течение XIX века. Если в 30-е годы XIX века тарпаны там еще были достаточно многочисленны, то лет 30 спустя сохранились лишь отдельные косяки, а в 1879 году был убит последний тарпан, обитавший в природе. Оставались еще отдельные экземпляры в неволе, но и их век истек: тарпан, отловленный близ Херсона, дожил в Московском зоопарке до конца 80-х годов, а жеребец, содержавшийся в имении близ Миргорода, пал в 1918 году.

Тарпаны исчезли, но они, столько веков обитая бок о бок с домашними лошадьми, конечно, не могли не оставить после себя хоть каких-то генетических «следов». В той же Польше и Германии дикие лошади долго обитали в крупных лесных массивах; в имениях знатных землевладельцев косяки лесных тарпанов были чем-то вроде диковинки, которой развлекали высоких гостей. Графы Замойские задались целью создания зверинца, для которого специально отлавливали с 1780 до 1806 год последних диких лошадей на территории Литвы, но в силу различных трудностей в итоге тарпаний заповедник ими создан не был, а лошадей раздали крестьянам, жившим близ Замойска, Шчебржешня и Билгорая. Этот эпизод можно считать наиболее поздним достоверным скрещиванием диких лошадей с домашними на территории Польши.

не факт, что родство коников и тарпанов не преувеличено: исследования митохондриальной ДНК показали генетическое сходство коников со множеством пород Европы.

Конечно, во всех зафиксированных случаях соприкосновения человека с тарпанами возникает вопрос: были ли эти мелкие мышастые лошадки действительно дикими, не

экстерьер

Коник представляет собой аборигенную лошадь лесного типа ростом 130–140 см и массой 300–400 кг (рост зафиксирован в официальном стандарте). Голова относительно крупная, грубоватая, шея короткая, с низким выходом. Холка низкая и широкая, корпус широкий и глубокий, круп слегка приспущенный, ноги недлинные, прочные, копыта с твердым рогом. Грива и хвост густые. Масть раньше была в основном мышастая; буланые, вороные и лошади прочих мастей в породе встречались гораздо реже. С 1999 года был принят стандарт породы, в соответствии с которым для занесения в племенную книгу польский коник должен обязательно иметь мышастую масть без отметин. Даже каурые лошади, иногда рождающиеся от мышастых родителей, теперь отбраковываются. В мышастой масти различаются четыре оттенка – темный, светлый, «мышиный» и «яркий».

могли ли они на самом деле представлять собой потомство некогда одичавших лошадей домашних? Тот же знаменитый шатиловский тарпан с длинной висячей гривой вызывал много вопросов даже у современников. Конечно, если не мышастая масть, то стоячая грива уже явно указывала на дикие гены, но насколько эти дикие косяки были отгорожены от проникновения генов домашних лошадей, иными словами, в какой степени они были чистопородными? Ведь какой-то обмен лошадьми между дикой и домашней популяцией был неизбежен.

Интерес к польскому конику, причем именно как к носителю генофонда истребленного тарпана, возник в первой половине XX века. Тогда проводились эксперименты по восстановлению тарпана, хотя бы и чисто в фенотипическом смысле. В 1936 году начал свою программу польский профессор Тадеуш Ветулани: он собрал местных крестьянских лошадей, которые были больше всего похожи на тарпанов, и разводил их при соответствующем отборе. Жили эти коники-тарпаноиды в Беловежской пуще, на воле, как и положено диким лошадям. Ветулани считал коников прямыми потомками лесного тарпана.

В начале 30-х годов в Берлинском и Мюнхенском зоопарках начали свой эксперимент братья Лутц и Хайнц Хек: они тоже собрали для этих целей коников, но в их селекционной программе участвовали также представители еще целого ряда примитивных европейских пород (эксмурской, готландской, исландской), а для восстановления некоторых «диких» признаков использовались даже скрещивания с лошадью Пржевальского. Потомки этих восстановленных «тарпаноидов» в 60-е годы получили название «лошади Хек».

факт, что во время Первой мировой войны коников широко использовали как тягловую силу немецкая и российская армии.

Параллельно начал складываться образ польского коника как едва ли не одомашненного тарпана. Например, в Голландии в резервате Оствардерсплассен коники содержатся на воле, подобно диким лошадям; там их задача состоит в том, чтобы воссоздавать образ не тронутого человеком европейского ландшафта, заселенного предками современных домашних животных. Но люди, не разобравшиеся в этих тонкостях, могут, конечно, решить, что эти коники и есть древние дикие лошади Европы.

Если изучить историю польского коника внимательно, то можно заметить некоторые нестыковки с образом прямого потомка тарпана. Ведь что такое коник? Это просто аборигенная польская порода, крестьянская лошадка. Достоверные сведения о ней появляются примерно с XIX века. Насколько сильно было влияние на коников тарпанов и насколько – других пород домашних лошадей, например различных тяжеловозов или гуцульских? Ведь крестьяне коников разводили для работы, а не для сохранения генофонда дикой лошади. Известно, что даже в мастях коников начала XX века существовал большой разброс: мышастые лошади отнюдь не составляли большинство, гораздо большее распространение имели рыжие, гнедые, вороные. Сегодня коники почти все мышастые, и это тоже, несомненно, влияние «бренда»: от коника уже ждут определенного соответствия образу потомка тарпана.

Кстати, история «восстановления» тарпана братьями Хек имела и некоторые неприглядные стороны: во время Второй мировой войны ценное поголовье коников было попросту вывезено в Германию. И среди тех вывезенных лошадей были как мышастые, так и вороные, и буланые.

После войны разведение коников было основано в ряде племенных хозяйств – в Гродзце Сласкем, Пулавах, Рабе-Выжне и других. В 1955 году начался эксперимент по разведению коников в диком состоянии в Попельне; это были лошади из табуна профессора Ветулани, ведь его эксперимент к тому моменту уже был прекращен. Постепенно хозяйств, работающих с кониками, становилось все больше, и они все шире распространялись по разным регионам Польши.

Племенная книга польских коников существует с 1962 года. Сначала в ней было два раздела: основной и дополнительный, для кобыл, по каким-либо параметрам, включая происхождение, не полностью соответствующих требованиям основного раздела. В 1984 году племенная книга коников была закрыта, с тех пор в породе практикуется только разведение «в себе», без допуска прилития каких-либо посторонних кровей. Польская племенная книга признана Евросоюзом оригинальной для породы, т.е. все другие племенные книги коников должны будут руководствоваться польскими правилами и стандартами.

Поскольку сегодня коники живут и в заповедниках на воле, и в конюшнях, появляется возможность сравнить влияние на них среды обитания. Коники содержатся на воле в целом ряде заповедников и заказников, а также на исследовательской станции Университета естественных наук в Познани В государственном конном заводе «Сераков» в Попельно коников разводят как любую другую породу домашних лошадей. Определенное количество коников имеется также у частных владельцев, но общая численность породы невелика, количество маток составляет несколько сотен.

В 1936 году польский профессор Тадеуш Ветулани начал выведение своих тарпаноидов из местных лошадей